

Тусовка

Законы тусовки

Как простожителы воображают себе мир богатых и знаменитых? Блестящие, богатые, успешные, красивые сверхлюди на картинках в глянцевах журналах. Обыватель и ненавидит их, и активно интересуется, а как там у них, в первом ряду, плачут или нет? С кем развелись? Кого родили?

Почти десять лет я была в первом ряду. Записывала свои наблюдения за красивой жизнью и ее героями. В первом ряду — там, где и список «Форбс», и олигархи-light, и настоящие кинозвезды, полным-полно халифов на час, что-то урвавших, куда-то взлетевших, кого-то захапавших в мужья или хотя бы в спутники. И вот про этот «первый ряд», а также про подпирающую его галерку и многочисленные свиты со всякими it-пиявками и it-лягушками и будет мой рассказ.

Сначала и начнем, — как попасть в тусовку? Пропуском в тот самый первый ряд может быть и миллиард, и бестселлер, и неопишуемая красота.

Моим пропуском в тусовку нулевых был талант фельетониста — не больше, но и не меньше. Стремительное восхождение началось с полосы в «Известиях». Случайная встреча в ночном клубе, случайное предложение поработать, неожиданно открывшийся талант — и волна успеха вынесла меня на берег столичной светской жизни. И даю вам честное слово: до этого я в тусовку никогда не рвалась, не считала себя достаточно талантливой и красивой для этого. «Мне бы без спешки поехать в тележке», а вона как жизнь обернулась.

Не думаю, что промоутеры мечтали меня видеть на своих вечеринках, — внешне я все-таки неформат, не грациозная, не стильная, но я была той самой злой ведьмой, не позвать которую — себе дороже. В рабочий кабинет приходили пачки приглашений. Их было так много, что каждое следующее вызывало раздражение — опять краситься, опять нечего надеть, опять куда-то переться. Конечно, это не у мартена стоять и не шпалы в оранжевом жилете укладывать. Но тем не менее вереница вечеринки занимали массу душевных

сил и времени, хотя, конечно, и веселило тоже изрядно, все по Онегину: «Бывало, он еще в постеле: к нему записочки несут. Что? Приглашения? В самом деле, три дома на вечер зовут: там будет бал, там детский праздник. Куда ж поскачет мой проказник?»

Работа была не пыльной. Сбылась моя мечта — не сидеть в офисе, спать досыта и работать только по вечерам. Но количество мероприятий здорово раздражало. Все прямо по Довлатову: «Мой двоюродный брат Илья Костаков руководил небольшим танцевальным ансамблем. Играл в ресторане «Олень». Однажды зашли мы туда с приятелем. Сели обедать. В антракте Илья подсел к нам и говорит: «Завидую я вам, ребята. Едите, пьете, ухаживаете за женщинами, и для вас это радость. А для меня — суровые трудовые будни!»

Вредность профессии хотелось свести к минимуму, к одному вечеру в неделю, и я перешла в «Газета.ру». Приглашений сразу стало меньше, — потому что и писать я стала меньше. Это была нормальная зависимость, зависимость популярности от количества публикаций. Ну не то чтобы нормальная, а, так скажем, справедливая. Я никогда

не обижалась, когда меня куда-то не звали. Не позвали — окей, меньше писать, не надо краситься, мне и так все расскажут. К тому моменту я числилась уже не только популярным фельетонистом, но и успешным ЖЖ-блогером. Тогда же я начала избыточно много ходить на телеэфиры. Меня все время куда-то звали, но насладиться тем, что зовут, тем, что я, как говорят французы, *branché*, включена, я не смогла — у меня начались личные проблемы, и мне решительно нечего было надеть.

В России традиционно неуважительно относятся к депрессии. Мол, знаем мы твою депрессию, корову бы тебе, а лучше две. На самом же деле, это тяжелейшее заболевание. Радость не приносит ничего, даже такая непыльная и денежная работа, как у меня. Я в депрессии замыкаюсь в себе, прилипаю к своей берлоге. Так и произошло в конце нулевых. Каждый выход в свет превратился для меня в пытку. Надо было «держаться фасон», я старалась, чтобы никто не замечал моего состояния. Я пыталась острить в соцсетях, чтобы не потерять рейтинга, а значит, заработка. Но на самом деле, весь день мечтала, чтобы он скорее

кончился и можно было лечь спать, отключиться. Самые счастливые мгновенья я испытывала, уходя в общий наркоз на операциях.

Но все проходит, тучи депрессии рассеялись, и в моей жизни появился не кто-нибудь, а чекист со всеми бонусами этого утеснительного сана — самолетом, яхтой и вертолетом. До Болотной и проспекта Сахарова дружба с чекистом еще не была таким зашкваром, как сейчас, хотя приличные люди уже тогда обходили их стороной. Что характерно — все, с кем сложились душевные отношения до моего похода в светские обозреватели, иными словами, друзья вне тусовки, — остались к факту наличия чекиста совершенно равнодушны. Никто не выразил желания пойти посидеть вместе, например. А питерский друг даже предупредил, что лучше бы мне держаться подальше от человека, которому с такой готовностью открыла свои объятия светская тусовка.

А открыла она их нараспашку — глава Михайловского театра Владимир Кехман начал уважительно звать меня на афтепати своего приема в рамках Питерского форума. Ульяна Цейтлина стала уговаривать своего олигарха поехать на этот форум, потому что «у Божены с Володей там есть

стол, и вот с такими людьми и надо водиться». На этом же форуме к нам, как к паре, подошел засвидетельствовать почтение мой бывший. И уже почти все московские приглашения заканчивались словами: «Передайте NN, мы очень, очень рады будем его видеть».

Меня часто спрашивают: наверное, мол, одно говно в этой тусовке. Нет, это не так. И в тусовке, и в маршрутке процент говна и не говна одинаковый. Как в российской жизни 86 процентов — говно, так и в тусовке.

Как сказал, вздыхая и пытаюсь перестроиться, таксист-азиат в зарисовке Виктора Шендеровича: «Десять процентов». «Что — десять процентов?» — «Десять процентов людей только хорошие. Остальные — нет».

Но в тусовке, как на авансцене, это просто заметнее. Первые ряды всегда под прицелом недоброго дыхания «камчатки», которая не просто завидует и желает тебе провалиться, но и старается изо всех сил этому поспособствовать. Спрашивается — зачем? К чему это пихание локтями и ножевые удары в спину? Со стороны посмотреть — абсурд какой-то: не за кусок хлеба люди

дерутся, а за то, чтоб Даша Жукова на яхту позвала! Но когда сидишь внутри, в центре этого, все представляется таким важным, таким настоящим!

Поэтому мне кажется необходимым почаще менять дискурс, сдвигать точку сборки, отходить на пару шагов от главного двигателя всех тусовочных процессов — моды. Я была модным светским обозревателем, олигарх Мамут называл меня королевой светской хроники. Но в 2011 году, сразу после украденных выборов, я примкнула к протестующим. Моды на сопротивление тогда еще не было. Я не следовала тренду — вышла по велению души. Дальше — та самая цепь случайностей. Случайно и противозаконно свинтили, случайно оказалась на первых полосах газет. Протест резко вошел в моду, и случайно вместе с ним в моду вошла и я, уже не как фельетонист, а как оппозиционер. Здесь снова хочется вспомнить Довлатова: «Хорошо идти, когда зовут. Ужасно — когда не зовут. Однако лучше всего, когда зовут, а ты не идешь...» Все эти варианты мне предстояло испытывать на собственной шкуре.

Человеком того года по версии Time стал Протестующий. На Болотную вышли и Света Бондар-

чук, и Полина Дерипаска — маркеры светской успешности. Оппозиция казалась сильной. На меня сыпались просьбы об интервью и приглашения на светские дни рождения. Например, я впервые получила приглашение к Свете Бондарчук. Тогда же, одновременно с протестом, в моей жизни появился мужчина моей жизни Игорь Малащенко. Мы вошли в моду уже как пара, и каждый промоутер стремился нас заполучить. Журнал Tatler внес нас в список «100 самых желанных гостей светской Москвы».

Прошли еще полгода. Первое уголовное дело, затем второе. Протест был провален. Все, кто желал нам зла, активизировались. Энтэвэшники нападали прямо у дома. У дома основателя своего канала. Мне наивно казалось, что, учитывая, кто создал канал, НТВ не посмеет послать к нам свой отряд летучих мандавошек. Но, возвращаемся к теории таксиста о десяти процентах. Не только послали, но и травили круглосуточно. Одним из самых ярых организаторов травли был некто Бирюков. Когда-то, вместе с женой Екатериной Рождественской, гостивший у Игоря на яхте. У Бирюкова был запойный отец, Игорь очень

жалел его, покровительствовал и раз за разом выбивал для него дома и квартиры у Гусинского. И вот этот самый Бирюков, которому Игорь благодетельствовал, и был одним из организаторов атаки, пользуясь тем, что он — глава ТСЖ в нашем доме, — пускал энтэвошек внутрь охраняемого дома, давал указания охранникам сливать записи с камер слежения.

Прослушка, слежка, травля... Игорь пал духом. И вот тут-то я впервые четко зафиксировала — стало резко меньше приглашений. Я была в тяжелейшем психологическом состоянии и не хотела выходить в люди, понимая, что раненый зверь привлечет хищника. Но именно поэтому выходить мне было очень нужно, мне было нужно, чтобы звонили, приглашали, я бы пошла — через «не могу». Но телефон молчал.

Дальше — больше. Впервые не позвонили с фестиваля «Кинотавр», с которым я долгие годы дружила и про который неизменно писала с 2006 года. Я входила в журналистское ядро фестиваля, руководство звало меня на ежедневные ужины жюри «за занавесочку» таверны «Дионис» вечерять с самыми «виповыми» гостями.